

Д.А. Михайлов

Становление национального государства и институционализация археологии

D.A. Mikhailov

The Formation of the National State and the Institutionalization of Archaeology

Изучается влияние процессов, связанных со становлением национального государства, на институционализацию археологической науки. Дается характеристика основных предпосылок отношений археологии и национализма. Выделяются такие сферы и аспекты их взаимодействия, как формирование научной инфраструктуры и охранного законодательства, устройство музеев, написание школьных учебников и оформление государственной символики. В работе показана роль национальных установок в институционализации российской археологии на различных этапах ее развития.

Ключевые слова: археология, национализм, национальное государство, социальная память, этнополитология.

Со времен древности правящие династии и культурные группы стремились укрепить авторитет, апеллируя к мифическим богам или легендарным героям прошлого. С изменением понимания природы власти в Средние века стали престижны отождествления с библейскими либо античными мифологическими персонажами. В эпоху Возрождения появляется идея права народов, повсеместное утверждение которой в политической практике начинается после Великой французской революции [1, р. 267]. Политика в Европе постепенно становится публичным делом, а на историческую арену выходит новый субъект — нация. Национализм востребовал новую версию прошлого, главным актором которой была бы не освященная божественной силой династия, а народ. Таким образом, сама природа политической идентичности превращает прошлое, представленное в виде интегрирующих символов, в важнейший фактор солидарности: «Ведь всякая идентичность индивидуальна, но никогда не бывает других индивидуальных идентичностей, кроме исторических, т. е. построенных в некоем поле социальных ценностей, поведенческих норм и коллективных символов» [2, с. 110].

Учреждение в первой половине XIX в. национальных государств, чьи границы не совпадали с границами культурными, требовало авторитетных обоснований, в качестве которых стали выступать исторические реконструкции, базирующиеся в том числе и на археологических источниках. При этом обращение с про-

This paper is devoted to the influence of the processes associated with the formation of the national state on the institutionalization of archeology. It characterizes the basic prerequisites of archaeology and nationalism. The author identifies such areas and aspects of their interaction as the formation of scientific infrastructure and protective legislation, the museums' arrangement, the writing of textbooks and design of state symbols. The role of national systems for the institutionalization of Russian archeology at various stages of its development is shown in the paper.

Key words: archeology, nationalism, national state, social memory, ethno-political science.

шлым как с легитимизирующим основанием неизбежно носит произвольный характер: «Социальным группам необходимы свидетельства своего существования в прошлом, но им требуется такая картина прошлого, которая служит объяснению или оправданию настоящего, часто за счет исторической достоверности» [3, с. 14].

Постоянно усиливающееся нововременное государство быстро оценило роль прошлого в формировании политики нового типа и приложило усилия для учреждения наук о древностях. По инициативе и при непосредственной поддержке государства начинают формироваться исследовательская инфраструктура: создаются научные организации, проводятся съезды и конгрессы, выпускаются регулярные журналы. Со второй половины XIX в. появляются комитеты охраны памятников, археологические объекты начинают регистрировать и охранять. Развитие демократических процессов стимулировало интерес к древнему прошлому со стороны широких масс. Это приводит к трансформации закрытых частных собраний древностей в национальные музеи. Со временем важнейшими проводниками исторической политики государства становятся школьные учебники и даже символика государства, в которой зачастую важное место отводится археологическим материалам.

Таким образом, процессы формирования национальных государств и становления археологической науки, имея разную природу, оказались исторически

тесно взаимосвязаны. Именно национализм вывел археологию на качественно новый уровень и способствовал ее институционализации [4, p. 227]. В начале в XIX в. начинается развитие археологии в качестве академической науки: «Бессмысленно рассуждать о том, как бы развивалась антикварная археология без влияния национализма, — отмечают М. Диас-Эндрю и Т. Чемпион, — но одним из последствий этого влияния было утверждение археологии как профессиональной дисциплины» [5, p. 21].

Французы стремились связать свои истоки с кельтами. Большое символическое значение имело разграбление Наполеоном Италии: контроль над древнеримским наследием должен был подчеркивать имперские амбиции нового государства [6, p. 254]. Англичане в попытках отыскать свои корни в древнейшей культуре друидов обратились к руинам Стоунхенджа и Эйвбери; особое внимание стало уделяться донорманнскому периоду, культуре бриттов и англо-саксов. Националистические взгляды Косинны выражались в утверждении расовой и культурной исключительности германцев, в то время как датчане в противостоянии с Германией в конце XIX — начале XX в. обратились к наследию викингов. Рисорджименто сопровождалось повышением интереса к этрускам; националистические настроения заставляли этрускофилов рисовать великую цивилизацию, наследие которой легло в основу культуры Древнего Рима и современной Италии. В начале XIX в. на волне национально-освободительного движения греки стали воспринимать античное наследие как свое собственное [7, p. 155]. При этом повсюду отмечается стремление подчеркнуть в легендарных предках те черты, которые высоко ценились в настоящем [8, p. 2].

Национализм отвечает социально-экономическим потребностям модернизации, соответственно особенности модернизации неизбежно накладывают отпечаток на характер развития национального процесса. Это предопределяет и исторически складывающиеся специфические черты развития национализма, и характер его взаимоотношений с археологией в частности. Активно развивающаяся в последние десятилетия история археологии позволяет выделить несколько этапов в институционализации отечественной археологии, обусловленных национальной политикой.

Зарождение национального дискурса в России происходит в эпоху петровских преобразований. В этот период начинают утверждаться концепты «всеобщего блага» и «отечества», которые были призваны отобразить идею народа [9, с. 188–189]. Именно с этим периодом традиционно связывается и зарождение археологии в России. В 1718 г. была организована Кунсткамера, которая должна была среди прочего собирать «все, что зело старо и необыкновенно» [10, с. 25]. Интерес Петра I к истории и к вещественным древностям в частности, очевидно, следует объ-

яснять не только его любознательностью, но и объективной потребностью модернизационных процессов в формировании национального дискурса, стремлении к обоснованию исторической глубины отечества.

Однако в России XVIII в., в силу особенностей социально-экономического развития, национальная идеология не имела надежной социальной почвы. Проблема «народности» захватывает российскую общественно-политическую мысль в конце XVIII — начале XIX в. С отходом от универсалистских просветительских установок в правление Николая I национализм в России начинает утверждаться на уровне государственной идеологии. Усилиями С. С. Уварова проводится масштабная идеологическая кампания по монтированию национальных идей в династийно-религиозную доктрину власти [11, с. 109]. Именно с этим периодом связана и институализация археологии как самостоятельной науки [12, с. 68–86]. Национальная тенденция при этом проявилась в том, что в созданном в 1846 г. Императорском Русском археологическом обществе ведущую роль играло Отделение русской и славянской археологии. Его возглавлял ярый патриот И. П. Сахаров, который не смущался выдавать свои сочинения за русские народные былины. «Если подгонка русского средневековья под античный образец характерна в основном для александровской эпохи, — отмечает А. А. Формозов, — то другая тенденция — противопоставление национальных древностей античности — особенно ярко проявилась в николаевское время» [10, с. 51]. Проанализировав начальный период формирования отечественной археологии, Н. И. Платонова приходит к выводу: «Отход от антикварианизма и начало разработки отечественных памятников — именно национальных древностей, памятников родной истории — составляли саму суть процесса становления археологии как науки» [13, с. 68].

В годы либеральных реформ наметился отход от националистических установок в археологии. Если И. П. Сахаров понимал «русскость» в узкопатриотическом смысле, то возглавивший появившееся в 1860 г. Московское археологическое общество А. С. Уваров национальную археологию трактовал в государственном смысле [13, с. 53]. Это не значит, что национальный дискурс исчезает из археологических работ. Официальный, государственный национализм в отечественной археологии проявлялся в стремлении связать историю известных народов древности со славянами. В качестве примера официального национализма в археологии России можно привести вышедший в 1894 г. труд В. М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни». В нем автор, основываясь на археологических материалах, пытается доказать, что культура населения бронзового и железного века от Енисея до Европы была однородной и принадлежала не фин-

ским или монгольским, а праславянским племенам [14, с. 91–92]. «Таким образом национальный вопрос невольно напрашивался на страницы археологических работ, — обосновывает свою позицию Флоринский. — Иначе и быть не могло. Всякий археологический факт имеет значение не сам по себе, а только по отношению к древним судьбам того или другого народа» [15, с. 17].

К концу XIX в. национальная идеология в Российской империи развивалась по разным направлениям: одни в «русскости» отводили ключевую роль православию, другие — языку и культуре, третьи — расе или крови [16, с. 69]. Однако большая часть населения России из-за слабости и неравномерности развития социальной модернизации в национальный процесс втянута не была. В официальной идеологии и восприятии власти основным населением по-прежнему господствовала династийно-православная парадигма. Поскольку в этой парадигме не оставалось места для инородцев, а параллельно шло пробуждение национального самосознания народов страны, появлялось дополнительное социальное противоречие, которое империя пыталась разрешить реакцией, усугубляя общественно-политический кризис. Становление периферийных национализмов спровоцировало интерес местных интеллектуалов к древности, однако оформиться он мог только в виде провинциальных музеев и редких изданий журналов. Реализация их культурно-исторической программы стала одним из центральных направлений политики формирующегося советского государства.

После окончания Гражданской войны одной из главных целей культурной политики советской власти было пробуждение самосознания в пределах новых национально-территориальных образований. О задачах, которые ставились при этом перед археологами, можно судить по приводимой Н. И. Платоновой цитате С. И. Руденко: «Наметить путь дальнейшего развития народного хозяйства возможно только тогда, когда... известно прошлое и установлена причинная связь и зависимость между прошлым и настоящим. Отсюда понятно устремление антропологических отрядов в область палеоэтнологии, причём здесь они обычно от практических вопросов переходят в область разрешения научных проблем и эволюции культур в пределах данной... области» [13, с. 217]. Таким образом, общественное и культурное обоснование новых политических единиц должно было строиться через систематизацию историко-культурного наследия. Процесс становления местных национализмов шел рука об руку с организацией прошлого, в котором значительную роль играла археология, поскольку письменная история отсутствовала или была омрачена колониальной политикой [17, р. 218–220]. Характерной чертой этого периода развития отечественной археологии стало внимание к национальным окраинам,

проявившееся в организации сети краеведческих организаций [18, с. 43].

В это же время фундаментальная реорганизация археологической науки в столицах в условиях нэпа шла без существенного идеологического воздействия со стороны власти. К середине 1924 г. новая структура археологической службы включала два крупных научно-исследовательских института: Российская академия истории материальной культуры (РАИМК) в Ленинграде и Историко-архитектурный институт Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (ИАИ РАНИОН) в Москве, около десятка крупнейших столичных музеев, имевших археологические отделы и секции, а также более 300 провинциальных краеведческих музеев [13, с. 216].

Масштабная идеологическая кампания в археологии началась в конце 1920-х гг. Национальный вопрос оказал на нее серьезное влияние, поскольку наступление «марксистской археологии» под руководством академиков М. Н. Покровского и Н. Я. Марра шло с позиций интернационализма [19, с. 52–54]. Отказ от национального наследия и акцентирование внимания на современности привели к деградации археологии — под вопрос был поставлен сам предмет науки, археологию стали именовать историей материальной культуры [20, с. 20]. В ходе масштабной организационной ломки исчезли РАНИОН, кафедры археологии в университетах, сильные центры в провинции как пособники национализма и местного патриотизма были разгромлены краеведческие общества [18, с. 62].

Новый поворот национальной политики в сторону усиления русского патриотизма наметился уже в 1934 г. [21, р. 130; 22, р. 28; 23, с. 42–60]. Советской власти необходимо было связать историю народов СССР с русской историей, а также включить ее в контекст истории мировой. В этой связи начинается реабилитация истории и культуры русского народа [24, с. 160]. В то же время руководители государства ставили задачу создания истории отдельных народов СССР, в которой народы понимались бы как самостоятельные субъекты исторического процесса [25, с. 32]. Важно отметить, что отказа от интернациональных лозунгов не произошло, после столкновения космополитического и национального дискурсов в конце 1930-х гг. в последующие годы они вполне мирно уживались. Идеология схоластически пыталась объяснить, с одной стороны, растущее единство советского народа, с другой — развитие национальных культур. В советской политической идентификации глобальный и национальный дискурсы переплетались причудливым образом, актуализируясь в нужном виде в каждом конкретном случае. Эта двойственность советской национальной политики по-своему отразилась и в археологии.

Новый этап во взаимоотношениях археологии и национализма характеризуется соперничеством официального советского национализма (основанного на русской культурной традиции) с периферийными республиканскими национализмами. «Полвека назад, — писал Л. С. Клейн в 1990-е гг., — Россия переняла у гитлеровской Германии роль центра конъюнктурной, политизированной, националистической археологии, и отсюда эта зараза распространилась на окраины империи и ее окрестности, вызывая ответную волну такого же, только инвертированного (обратно направленного) национализма в археологии» [26, с. 648].

Важным следствием патриотического поворота советской идеологии середины 1930-х гг. стала чрезвычайная организационная централизация в археологии. Значительно возросла роль Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) как центра, осуществляющего исследования во всей стране [18, с. 62]. В 1937 г. она вошла в состав АН СССР как Институт истории материальной культуры (ИИМК). В годы войны институт переехал в Москву, а завершением этого этапа институционализации советской археологии можно считать создание в 1957 г. Института археологии АН. Таким образом, была окончательно формализована реабилитация археологии как исторической дисциплины.

Официальный национализм проявлялся в господстве патриотической славянской археологии, в которой определенные археологические культуры отождествлялись с этническими общностями протославян и праславян. На этих построениях основывались важнейшие положения государственной идеологии [27; 28]. Не случайно центральной научной фигурой в этой проблематике был директор Института археологии Б. А. Рыбаков. Пафос славянской археологии сводился к удревнению и возвеличиванию древнерусской государственности, русской народности. С этим учетом были составлены и школьные учебники по истории России, одним из авторов которых был Б. А. Рыбаков.

Параллельно происходит институционализация археологии в национальных субъектах СССР. В 1940–1950-е гг. активно создаются академии наук союзных республик. Развитию национального самосознания в значительной степени способствовала организация национальных высших учебных заведений, которые были сосредоточены на изучении национального языка, культуры и истории. Становление местных национальных школ историков, археологов и этнографов привело к политизации и мифологизации этногенеза многих народов СССР [29]. В 1960–1970-е гг. были выпущены обобщающие работы по археологии отдельных республик, еще раньше стали появляться истории народов и отдельных регионов СССР, берущие начало в глубокой древности. Рассказ о по-

следовательно сменяющих друг друга археологических культурах плавно перетекал в изложение письменной истории, создавая иллюзию непрерывного развития народа с древнейших времен [30, с. 232–234]. По этой же схеме строились и местные учебники истории.

После Второй мировой войны в результате дискредитации расовой нацистской археологии этнические интерпретации во всем мире перестали пользоваться популярностью [31, р. 21]. Более того, учитывая специфические свойства национализма, международное сообщество принимает усилия к тому, чтобы исключить возможность националистической эксплуатации прошлого. В этой связи ЮНЕСКО обращает внимание на организацию мемориальных мест, связанных с историческими событиями или жизнью известных людей, так как их выбор может быть совершен под сильным влиянием национализма или других форм партикуляризма, что противоречит целям конвенции Всемирного наследия [32, р. 251]. Это ни в коем случае не обозначает, что национально мотивированная археология в этот период исчезла совсем, скорее она стала соответствовать более совершенным взглядам на решение международных вопросов.

Пробуждение национализма в конце XX в. вновь усилило интерес политиков к археологии. Эти тенденции с особой силой прослеживаются в новых государственных образованиях, стремящихся строить национальную идентичность на этнических основаниях. На всем евразийском пространстве происходит расцвет новых, основанных на археологии этногенетических мифологий, которые призваны легитимизировать строительство новых государств, оправдать территориальные притязания и подвести идеологическую базу под борьбу за выживание отдельных этнических культур. При этом позиция самих археологов уже не так важна, поскольку за предшествующие периоды было произведено столько идеологического оружия для палеоэтнических баталий, что оно, дождавшись своего времени, пускается в ход без их участия. Роль археологов в таких случаях играют увлеченные древностью национальные активисты, что делает особенно актуальной в наши дни проблему соотношения научного и псевдонаучного дискурсов.

Огромный фонд археологических материалов, накопленных советской археологией, их научные и научно-популярные интерпретации в условиях политического плюрализма превратились в колоссальный культурный капитал для развития национализмов. Ситуацию хорошо иллюстрируют слова директора института истории Национальной академии наук Республики Татарстан: «Любая государственность нуждается в своем историческом обосновании и черпает духовный потенциал в традициях. Татарстан, став самостоятельным, перестал зависеть от москов-

ской точки зрения и начал вырабатывать собственные взгляды на историю» [33, с. 129]. Наиболее эффективными современными способами формирования национальных образов, основанных на археологии, стали школьные учебники и государственная символика, большое значение в этом отношении имеет и кинематограф.

Стремление присвоить престижное древнее прошлое приводит к идеологическим столкновениям, неизменно сопровождающимся бурными полемиками — «войнами памяти», в которые в условиях расширения средств коммуникаций оказывается вовлечена широкая общественность [34].

Таким образом, национальная политика накладывает отпечаток не только на выбор направлений исследований, теорию и методологию археологической науки, но и на особенности ее организации. При этом

ни характер, ни направленность национальной политики не влияет на неизменный интерес власти к археологии. Апелляция к древнейшим истокам политики является проявлением фундаментальных свойств социальной памяти. Семиотика играет первостепенную роль в обеспечении легитимности национального государства: здоровый, позитивный образ сообщества является залогом лояльности его членов. Это естественное и универсальное чувство обеспечивает эффективное функционирование всех крупных обществ. В этом смысле археология, как и историческая наука в целом, являются заложниками свойств своего предмета. В то же время следует учитывать, что с трансформацией средств коммуникаций появляются новые каналы взаимодействия археологии и национализма, что делает этот процесс все более масштабным, стихийным и малопредсказуемым.

Библиографический список

1. Trigger B.G. Romanticism, Nationalism, and Archaeology // Kohl Ph.L., Fawcett C. (Eds.) *Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology*. — Cambridge, 1995.
2. Балибар Э. Нация как форма: история и идеология // Э. Балибар, И. Валлерстайн. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. — М., 2003.
3. Тош Дж. Стремление к истине. — М., 2000.
4. Kohl P.L. Nationalism and Archaeology: On the Constructions of Nations and the Reconstructions of the Remote Past // *Annual Review of Anthropology*. — 1998. — Vol. 27.
5. Díaz-Andreu M., Champion T. Nationalism and Archaeology in Europe: an Introduction // *Nationalism and Archaeology in Europe*. — L., 1996.
6. Trigger B.G. *A History of Archaeological Thought*. 2nd ed. — Cambridge, 2006.
7. Stiebing W.H. *Uncovering the Past: a History of Archaeology*. — N. Y., 1994.
8. Silberman N.A. *Between Past and Present: Archaeology, Ideology, and Nationalism in the Modern Middle East*. — N. Y., 1989.
9. Гринфельд Л. *Национализм: пять путей к современности*. — М., 2008.
10. Формозов А.А. *Очерки по истории русской археологии*. — М., 1961.
11. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма*. — М., 2001.
12. Лебедев Г.С. *История отечественной археологии. 1700–1917 гг.* — СПб., 1992.
13. Платонова Н.И. *История археологической мысли в России: вторая половина XIX — первая треть XX в.* — СПб., 2010.
14. Белокобыльский Ю.Г. *Бронзовый и ранний железный век Сибири. История идей и исследований (XVIII в. — первая треть XX в.)*. — Новосибирск, 1986.
15. Флоринский В.М. *Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии*. — Томск, 1894. — Т. 1.
16. Миллер А. *Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования*. — М., 2006.
17. Shnirelman V.A. *The Faces of Nationalist Archaeology in Russia // Nationalism and Archaeology in Europe*. — L., 1996.
18. Формозов А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки*. — М., 2006.
19. Шнирельман В.А. *Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение*. — 1993. — № 3.
20. Клейн Л.С. *Феномен советской археологии*. — СПб., 1993.
21. Shnirelman V.A. *From Internationalism to Nationalism: Forgotten Pages of Soviet Archaeology in the 1930s and 1940s. // Nationalism, Politics and the Practice of Archaeology*. — Cambridge, 1995.
22. Brandenberger D. *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*. — Cambridge, 2002.
23. Дубровский А.М. *Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.)*. — Брянск, 2005.
24. Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. *Русский вопрос в национальной политике. XX в.* — М., 1993.
25. Дубровский А.М. *Указующий документ 1937 г. // Проблемы первобытной археологии*. — М., 2004.

26. Клейн Л. С. Трудно быть Клейном: автобиография в монологах и диалогах. — СПб., 2010.
27. Аксенова Е. П., Васильев М. А. Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х годов // Славяноведение. — 1993. — № 2.
28. Curta F. Pots, Slavs and «Imagined Communities»: Slavic Archaeologies and the History of the Early Slavs // *European Journal of Archaeology*. — 2001. — Vol. 4.
29. Шнирельман В. А. Постмодернизм, этнонационализм и распад Советского Союза // *Профессионалы за сотрудничество*. — 1998. — Вып. 2.
30. Шнирельман В. А. Российская школа и национальная идея // *Неприкосновенный запас*. — 2006. — № 6.
31. Wailes B., Zoll A. L. Civilization, Barbarism, and Nationalism in European Archaeology // *Nationalism, Politics and the Practice of Archaeology*. — Cambridge, 1995.
32. Omland A. The Ethics of the World Heritage Concept // *The Ethics of Archaeology*. — Cambridge, 2006.
33. Бахтурина А. «Национальный вопрос» в Российской империи в постсоветской историографии // *Русский национализм: Социальный и культурный контекст*. — М., 2008.
34. Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. — М., 2003.